

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**Н.Е. ПЕТРОВА,
Е.Н. ШИРОКОВА**
Нижний Новгород

Новые тенденции в русском языке начала XXI века

Монография «Новые тенденции в русском языке начала XXI века» является плодотворной попыткой коллектива авторов представить в систематизированном виде явления и процессы, формирующие определенные тенденции в развитии русского языка. К важнейшим из них можно отнести демократизацию и интеллектуализацию языка, заимствование «чужого» и аккумуляцию «своего», экспрессивизацию разных уровней языка. Осмыслению сущности и перспективы этих, а также и многих других явлений посвящена рецензируемая монография, что свидетельствует о ее несомненной актуальности.

Монография состоит из пяти глав, каждая из которых посвящена отдельной проблеме, но первые три главы образуют особенно органичное единство. Их объединяет стремление авторов выявить серьезные изменения, про-

исходящие в русском языке в связи с глобализацией экономики, политики, культуры, а также средств и принципов социальной и межличностной коммуникации.

В главе «Национально-обусловленные модели языковой концептуализации мира в русском языке последних лет» (Т.Б. Радбиль) рассматриваются соответствующие речевые явления в лексике, словообразовании, морфологии и синтаксисе. Автор фиксирует ряд новых словообразовательных процессов, особенно ярко отражающих специфику русского языкового сознания. Это использование отглагольного существительного (*догонялово, поилово, нажиралово, напярэг* и под.) для обозначения ситуации в целом или комплекса психических состояний человека, что свидетельствует об ориентации «русской языковой картины мира на динамическое осмысление мира» (с. 10). Это образование существительных, собирательных по своей структуре, но зачастую обозначающих дискретные предметы (*цветьё, штаньё, шкафьё*), которое отражает общее стремление современных носителей русского языка к экспрессивизации речи. Наконец, это участвовавшие случаи окказионального флексийного образования существительных мужского рода на базе узуальных слов женского/среднего рода и *pluralia tantum* (*машина* → *машин*, *мясо* → *мяс*, *штаны* → *штан*),

Под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: Флинта; Наука, 2014.

Петрова Наталья Евгеньевна, доктор филол. наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Мининского университета).

E-mail: Petrova_ngru@mail.ru

Широкова Елена Николаевна, доктор филол. наук, доцент, профессор Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Мининского университета).

E-mail: shirokelena@yandex.ru

которые интерпретируются в работе как рефлекс андроцентричности русского языка.

Материал первой главы демонстрирует нам, с одной стороны, чрезвычайную восприимчивость русского сознания к разного рода «иноязычным» и «инокультурным» новациям (примером может служить словотворчество с использованием приставки *анти-*), а с другой стороны, почти инстинктивное сопротивление им. В частности, об этом свидетельствуют наблюдения автора за использованием метаязыкового оператора *в хорошем смысле слова*, который ставит под сомнение положительную оценочность таких востребованных в политико-экономическом и образовательном дискурсе номинаций, как *карьерера, рассудительный, практичный, потребление*, а вместе с ними – и ценность соответствующих реалий.

Особый интерес вызывает анализ конструкций с «неотрицающей» частицей *не* (*Не передадите ли мне соль? Не хотите ли чаю? Не написать ли статью об этом?*). Сопоставляя русские высказывания с аналогичными по смыслу английскими, Т.Б. Радбиль подчеркивает специфическую установку русского национального сознания на прогнозирование неудачи и высказывает предположение о том, что такая установка связана с особым «рефлексом» русского речевого поведения, «когда человек не уверен в возможности положительного для него исхода будущих событий, в том числе потому, что не в силах на это повлиять» (с. 31). Думается, что свою роль в формировании таких конструкций могла сыграть и традиционная для русских боязнь «сглазить». Во всяком случае в современной русскоязычной коммуникации утвердительные *не*-конструкции связаны скорее не с фатализмом или неуверенностью в своих силах, а с «ненавязчивой» вежливостью, подспудным стремлением проявить скромность или создать эффект непринужденного, игрового общения. Определенная часть таких конструкций призвана создать максимально комфортную ситуацию общения для собеседника, что свиде-

тельствует о неэгоцентричности русского языкового сознания.

Исследование Т.Б. Радбиля убедительно доказывает: нельзя однозначно утверждать, что в плане способов языковой концептуализации мира «русский язык окончательно подпал под влияние чуждых ему ментальных, социокультурных и поведенческих моделей». Многие процессы в сфере грамматики свидетельствуют о доминировании «именно традиционно русского способа концептуализировать действительность в слове» (с. 33). Наряду с этим в области лексики «иноментальное» влияние на сознание носителей русского языка оказывается более заметным, хотя и носит, по мнению автора, относительно поверхностный характер.

Органичным продолжением является глава «Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI века», в которой Е.В. Маринова рассматривает способы освоения заимствований и показывает влияние последних не только на лексическую систему языка, но и на его фонетику и грамматику. Многоаспектность данного исследования, а также объем привлеченного языкового материала позволили автору сделать ряд интересных и вполне обоснованных выводов о неоднородности процессов, протекающих в данной сфере. Так, если некоторые факты, связанные с освоением существительных с исходом на *-с/-з < -s*, позволяют говорить «о сильнейшем влиянии английского языка на языковое сознание носителей русского языка» (с. 85), то изменения в классе несклоняемых имен существительных свидетельствуют о том, что «с аналитическими тенденциями в современном русском языке на отдельных его участках конкурируют глубинные механизмы традиционного словоизменения» (с. 104). Анализируя специфику лексических заимствований последнего времени, Е.В. Маринова справедливо подчеркивает их профессионально востребованный характер и одновременное функционирование множества обозначений для одного и того же объ-

екта. Последнее автор связывает с потребностью в однословных номинациях, дифференцирующих разновидности предметов или явлений одного и того же класса, и рассматривает как общую тенденцию, действующую в русском языке наравне с тенденцией к интеллектуализации (с. 45). Полагаем, стремление к множественности наименований одного и того же объекта связано не только с тенденцией к интеллектуализации языка, но и с тенденцией к его демократизации и является частным проявлением этих более общих тенденций. В целом же, как последовательно показывает автор, ведущим принципом освоения заимствований в русском языке является закон аналогии, действующий в процессах как семантической, так и формальной адаптации.

Факты, которыми оперирует Е.В. Маринова, создают почти пугающую картину заимствования все нарастающего количества уже не отдельных слов, а, как отмечает исследователь, целых словообразовательных гнезд типа *менеджмент*, *менеджеризм*, *топ-менеджер*, *тур-менеджер*, *офис-менеджер* и под. Не создает ли этот лавинообразный процесс угрозы русской идентичности? Определенный ответ на этот вопрос начинается в первой главе монографии, а продолжение его находим в третьей – «Новые тенденции в современном медийном словотворчестве», в которой подробно анализируются словообразовательные процессы, иллюстрирующие стремление языка современных СМИ к интернационализации, демократизации, экспрессивизации. Авторы главы (Л.В. Рацбургская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова) подчеркивают возросшую активность иноязычных деривационных морфем (приставок, суффиксов, аффиксоидов), которые свободно соединяются с основами различной этимологии и различной стилистической окраски, порождая новообразования, отличающиеся повышенной экспрессивностью (*ретрокошка*, *бродскомания*, *экоподворье*, *VIP-грех*, *симпатизанты*). В то же время в современной медийной речи широко используются типичные для русского

языка словообразовательные модели, порождающие, в том числе и на базе заимствованных основ, формы субъективной оценки (*трепеток*, *шансок*, *бе-дища*, *страшноватистая*), номинации лица (*казиношник*, *галатеист*, *суверенщик*, *бойфрендиха*), универбаты (*упрощенка*, *предпродажка*, *праворулька*), усеченные наименования (*антиглобы*, *аудиал*, *неадекват*). С одной стороны, эти явления свидетельствуют об экспансии в русскую речь «чужого» морфемного материала, а с другой – о достаточно глубокой его русификации.

Большое внимание авторы уделяют тенденции к экспрессивизации языка СМИ, справедливо отмечая, что именно эмоционально-оценочные средства словообразования дают представление о мировидении и мирочувствовании народа (с. 196). В этом ключе рассматриваются разновидности новообразований, использующиеся в языке СМИ для выражения оценки и привлечения внимания к тексту, в манипулятивных целях и в целях лаконичной передачи информации, как игровое средство и как средство речевой агрессии. Выводы авторов опираются на чрезвычайно репрезентативный фактический материал, свидетельствующий о многолетнем, тщательном изучении языка СМИ в аспекте его деривационной составляющей.

Точность и глубина анализа эмпирических данных в этом разделе монографии, тем не менее, оставляет место для некоторых замечаний частного характера. Выражения «социально-оценочное средство» (с. 169) и «социальная оценка» (с. 170), употребляемые по отношению к аффиксам, вызывают вопрос, что имеется в виду: аффиксы, выражающие оценку какого-либо общественного явления, или аффиксы, выражающие социальную оценку чего-либо. Последнее заставляет задуматься, каким образом можно разграничить социальную и индивидуальную оценку, выражаемую тем или иным аффиксом в производном слове. Сомнительно также отнесение префиксов *анти* и *контр* к пейоративным только на том основании, что они меняют «знак производящего на положи-

тельный или отрицательный» (с. 170), тем более что в качестве примера приводятся контексты «*антикризисные*» [дешевые. – Авт.] *дома, антинаркотическая стратегия*. В целом хотелось бы увидеть более определенное разграничение деривационных процессов, обладающих перспективой дальнейшего расширения в дискурсе СМИ, и процессов, фиксируемых как выразительные, яркие, но все-таки нерегулярные.

Интересные данные о функционировании собирательных и количественных числительных в медийных и художественных текстах представлены в главе «Семантические аспекты варьирования качественных и собирательных числительных в современном русском языке» (Е.В. Щеникова). Сильной стороной данного исследования, на наш взгляд, является его текстоориентированный и дискурсивный характер, предполагающий необходимость учитывать при интерпретации языковых фактов прагматику речевого акта и позицию наблюдателя. Это позволило автору сделать ряд тонких наблюдений над семантическими различиями количественных и собирательных числительных и выявить условия актуализации и нейтрализации этих различий. При этом автор убедительно показывает, что синтагматика числительных имеет субъективно-объективный характер, а преобладание количественных числительных над собирательными объясняется не отрицанием последних как грамматической категории, а различием в количестве смысловых оттенков, которые способны выражать эти разряды числительных.

В заключительной главе монографии «Функционально-семантические и семиотические свойства текста» (С.Н. Виноградов) описывается методика выделения в тексте повторяющихся лексических единиц, которая может быть использована как при решении актуальных вопросов прикладной лингвистики, так и при рассмотрении некоторых теоретических проблем науки о терминах.

Однако некоторые положения автора, как нам кажется, нуждаются в уточнении. В частности, сведение важнейших структурно-семантических свойств текста к связности и цельности (когезии и когерентности) (с. 281) не отражает в полной мере специфики текстовой организации, тем более в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы, которую предполагает ссылка на Р. Барта (с. 279). С целостностью текста связаны и такие его дискурсивные признаки, как контекстуальность, прототипичность, интертекстуальность. Кроме того, существенными свойствами текста являются интенциональность, информативность, адресованность, в формировании которых также участвуют лексические повторы. Вызывает сомнение и определение вторичных коммуникативных целей текста (дискурса) как целей, отличающихся «от целей использования языка» (с. 279).

Обобщая все сказанное, мы делаем вывод, что авторскому коллективу удалось создать научно обоснованную и верифицированную модель комплексного описания инновационных процессов, характерных для русского языка начала XXI в. К достоинствам данной книги относится то, что ее авторы не только описывают динамические процессы, происходящие в нашем языке, но и ищут ответы на вопросы, насколько серьезны изменения, произошедшие в русском языке за последние годы, и в какой мере они могут повлиять на судьбу нашего языка. Этот поиск осуществляется на основе репрезентативного языкового материала, охватывающего разные уровни языковой системы и ее речевой реализации. Издание подобного научного исследования является чрезвычайно своевременным на фоне озабоченности всего российского общества состоянием русского языка и уровнем языковой компетентности его носителей. Выражаем твердую уверенность, что рецензируемая монография будет востребована научным сообществом лингвистов, преподавателями, студентами и аспирантами.